

Когда последний горный баран был продан управляющему одного из богатых домов города, компания собрала вещи и отправилась обратно в деревню.

Весь путь прошел в веселых разговорах. Вэй Цю уже вполне освоился: сидя на краю повозки и двигаясь неспешно, он чувствовал, что дорога не кажется такой крутой и тряской.

Вернувшись в деревню, Шинань и Мэн Цюань пошли возвращать телегу. Вэй Цю в благодарность купил семье Чжао (лекаря) сверток сладостей.

Дома Вэй Цю со вздохом облегчения опустился на стул и первым делом поставил вариться рис — от долгих разговоров во рту совсем пересохло. На обед он решил приготовить что-нибудь легкое: осталась миска вчерашних ребрышек, к ним добавили соленья — и вот уже стол накрыт.

Когда Шинань вернулся, Вэй Цю подал ему воду для умывания.

Шинань, отжав полотенце, сначала вытер лицо мужу: — Устал?

— Да нет, не очень. А ты? Нога болит? — Вэй Цю заботливо заглянул ему в глаза. — Я сейчас заварю полынь, попаришь ноги...

— Не болит, всё в порядке, — буркнул Шинань, сам быстро умываясь.

Вэй Цю, глядя, как тот трет свое лицо с такой силой, будто хочет содрать кожу, не выдержал: — Да потише ты, всё лицо себе раздерешь! Сейчас кожа сухая, в следующий раз в городе куплю тебе какую-нибудь мазь для лица.

Он заметил, что от постоянных походов в горы кожа Шинаня стала шелушиться на ветру.

Пообедав, они прогрели кан и вместе прилегли отдохнуть. Вэй Цю настоял, чтобы Шинань поспал: завтра им с Мэн Цюанем снова в лес, нужно набраться сил.

Вечером, после ужина, Вэй Цю устроился на кане, скрестив ноги, и принялся считать медяки. Рядом на столике тускло горела масляная лампа. Шинань сидел сбоку, с нежностью и обожанием наблюдая за этой картиной.

— Так... сегодня продали на пятьсот двадцать вэней. Вычитаем расходы: сто семьдесят за мясо, — бормотал Вэй Цю под нос. — Специи — около десяти вэней, миски — двадцать пять. Итого... чистая прибыль триста пятнадцать вэней!

Закончив подсчеты, он сияющими глазами посмотрел на Шинаня: — Ши-гэ, ну как тебе?

Шинань, любуясь его восторженным видом, притянул мужа к себе и обнял со спины: — Умница. Мой Цю-Цю очень способный.

Вэй Цю густо покраснел до самых кончиков ушей: — Эй, говори нормально! Не смей меня так называть!

Шинань, видя его смущение, прикоснулся губами к горячему уху: — А я хочу называть тебя именно так.

От этого низкого, хриповатого голоса у самого уха Вэй Цю стало совсем не по себе. Он неловко потербил мочку и пробурчал: — Ой, ладно... делай что хочешь!

Шинань протянул ему свой кошелек, и Вэй Цю продолжил считать общие деньги. Шинань положил подбородок ему на плечо, наблюдая за процессом.

За первого барана ресторан дал десять лянов серебра. Семь фазанов и зайцев, добытых Шинанем, принесли еще четыреста двадцать вэней. Вэй Цю достал все их сбережения и добавил туда десять лянов.

Теперь их капитал составлял шестьдесят пять лянов серебра. Плюс осталось около двух лянов на мелкие расходы.

Вэй Цю подумал и отложил один лян серебра в заначку, оставив остальное на текущие нужды, после чего надежно спрятал деньги.

— Почему не оставил побольше? — спросил Шинань.

Вэй Цю покачал головой: — Этого хватит. У нас нет больших трат.

Шинань, глядя на его серьезное, домовитое личико, невольно улыбнулся: — Не забивай голову деньгами. Пока я жив, ты ни в чем не будешь нуждаться. Главное — будь счастлив...

Вэй Цю пригнулся в объятиях Шинаня, чувствуя, как на душе становится тепло.

Потом он встрепенулся и с надеждой заглянул мужу в лицо: — А можно я и дальше буду ездить с вами, как сегодня?

Шинань немного помолчал, но сдался: — Хорошо. Но только если это не будет слишком тяжело. Я смогу прокормить тебя.

Глаза Вэй Цю вспыхнули радостью, он звонко чмокнул Шинаня в уголок губ и крепко обхватил его за талию. Он понял, что в последнее время просто обожает эти горячие объятия — зимой Шинань был для него настоящей печкой.

— Уже середина месяца... Скоро снег пойдет? — Вэй Цю уютно зажмурился.

— Да, я помню, в детстве снег всегда начинался в конце ноября, — Шинань крепче прижал его к себе.

Он много лет не был дома. Раньше снег в деревне означал для него лишь голод и холод. Те воспоминания о пробирающем до костей морозе и пустом желудке он старался запрятать поглубже, не желая к ним возвращаться.

Изгнание из семьи Чэн стало для него своего рода освобождением. А пройдя через жизнь и смерть на поле боя, Шинань и вовсе стал смотреть на всё проще. Единственной его раной была смерть старшего брата — доброго, честного человека. То, что он, холодный и ожесточившийся, выжил, а брат погиб, казалось ему горькой иронией.

Шинань отогнал мрачные мысли и поправил одеяло на муже, чтобы тот не замерз.

Вэй Цю, не заметив перемены в настроении мужа, пробормотал: — Вы сходите в этот раз и больше не ходите, ладно? Хотя там и есть пещера, для твоей ноги это плохо.

Шинань, зная, как тот переживает, мягко ответил: — Хорошо, больше не пойду.

— Тогда в следующий раз в городе... сходи со мной к врачу, а? — Вэй Цю спросил это очень

осторожно.

Видя его робкий взгляд, Шинань согласно кивнул: — Хорошо, схожу.

Вэй Цю просиял. Пусть медицина здесь была примитивной, но стоило хотя бы узнать, как ухаживать за ногой, чтобы уменьшить боль.

На улице стояла непроглядная темень, ветер стих. Из-за туч выплыл серп луны — похоже, завтра будет ясный день...

На следующее утро Вэй Цю встал пораньше и приготовил Шинаню в дорогу восемь больших лепешек с мясом и шесть мант (паровых булочек). Это был их последний поход в этом сезоне, и Шинань предупредил друзей, что они задержатся в лесу подольше.

— Если погода испортится — возвращайтесь раньше, — напутствовал его Вэй Цю у порога.

Шинань, видя его беспокойство, крепко обнял его.

— Обещаю. В эти дни будет холодно, не выходи из дома. Через пару дней дядя Цянь Миня в последний раз перед праздниками поедет с товаром по деревням, он привезет тебе мясо и кости, так что в город не рвись.

— Я знаю. Не волнуйся, буду ждать тебя дома! — Вэй Цю нежно смотрел на него.

Шинань погладил его по щеке, и в его взгляде тоже читалась неохота расставаться. Они оба стали какими-то «приставучими» друг к другу.

Вэй Цю и сам не понимал, как так вышло: порой встречаешь человека совсем недавно, а уже хочешь прожить с ним всю жизнь и не расставаться ни на миг.

Он прожил в одиночестве четырнадцать лет (в прошлой жизни), и у него никогда не было желания быть с кем-то рядом. А с Шинанем прошло всего два месяца, но кажется, будто они вместе целую вечность. Может, это и есть судьба?

В делах сердечных Вэй Цю был чистым листом. Иногда человек просто следует инстинкту, как зверек, ищущий тепла и безопасности.

С появлением Шинаня ему захотелось разрушить все границы и впустить этого мужчину в свой мир.

Вэй Цю самоиронично улыбнулся и поднял голову: — Ладно, иди уже! Я слышу зычный голос Цянь Бао.

Шинань поправил ему воротник: — Жди меня дома.

Вэй Цю прислонился к воротам, наблюдая, как подходят Мэн Цюань и остальные.

Цянь Бао весело махнул рукой: — Вэй-гэр, мы ушли! Возвращайся в дом!

Цянь Минь отвесил брату подзатыльник, чтобы тот не орал. Вэй Цю рассмеялся и, когда они скрылись из виду, пошел во двор кормить кур.

Дни текли мирно. За те три дня, что их не было, в деревне случилось одно происшествие. Старшего сына семьи Чэн — Чэн Гуанцзуна — выставили со службы в городе, да еще и

поколотили. Точной причины никто не знал, но когда Линь Цао пришел рассказать об этом Вэй Цю, он так и светился от злорадства.

Вэй Цю не сразу понял, о ком речь. О семье Чэн он знал немного и специально не расспрашивал — видел, что Шинань относится к ним с полным безразличием. Он не хотел беречь старые раны мужа. Пока эти люди не лезли к ним, для Вэй Цю они были просто чужаками.

Линь Цао, отхлебнув воды, воодушевленно продолжал: — Сейчас у них в доме дым коромыслом! Цянь Цуйпин рвется в город качать права за сына. А Гуанцзун её не пускает — видать, рыльце-то в пушку. Старуха их тоже воеет, мол, любимого внука покалечили.

— Любимого внука? — Вэй Цю это покорило.

Её старшим внуком должен был быть старший брат Шинаня, а не этот сын мачехи.

Линь Цао хлопнул по столу: — И не говори! Бабка та еще змея. Брат Дун (старший брат Шинаня) только погиб, а она его знать не знает. Забыла, как он на торговых караванах надрывался, чтобы она сладко ела да мягко спала. Возмездие их настигнет, помани моё слово...

Линь Цао помнил, как старуха даже тело Шидуна в дом не пустила, мол, «смерть дурная, беду накличет». Родная бабушка побоялась взглянуть на внука из-за суеверного страха. Но Линь Цао не стал говорить об этом Вэй Цю, чтобы не расстраивать его.

— Вот и началось их возмездие. Пускай шумят, нам-то что.

Днем Линь Цао ушел, побоявшись, что Дань-дань проснется и заплачет. Вэй Цю посмотрел в сторону деревни и подумал, что жить на отшибе — это всё-таки благо. Тихо, спокойно...

<http://bllate.org/book/17091/1598225>